

Анатолий Цирульников

Из тайных архивов русской школы

История образования в портретах и документах

Синий-синий презелёный красный шар

Школьные реформы эпохи военного коммунизма

1920 год, канун падения Перекопа. На Крымском полуострове доживает последние дни правительство юга России... барона Врангеля. Правительство как правительство, со своей канцелярией, Советом министров. Есть тут и Министерство народного просвещения. Чем оно занято накануне конца? Проводит реформу школы...

Не правда ли, странно? Но, видно, до тех пор, пока живут люди, пока сохраняется какой-то человеческий порядок вещей, остается и все, что его поддерживает, питает, лечит. Люди думают о будущем. Даже в Гражданскую войну, оказывается, думали...

Эта глава — о малоизвестной нам школе времен Гражданской войны. О школе в буквальном смысле — как учебном заведении, где чему-то учатся. Ведь интересно, чему дети учились у красных, у белых, у зеленых? Хотелось эти разные школы как-то связать между собой, — но они не связываются. Никак. Видимо, плохая связь. Все разбилось — какая уж тут связь? Обращение к этой теме именно сегодня тоже неслучайно. Хотя, может быть, и наивно, — если рассчитывать, что учителя могут уберечь, спасти от того, от чего не спасают правители и народы. Но все проходят какую-то школу, и, если посмотреть на нее более внимательно, можно узнать о себе нечто новое.

История, к сожалению, не знает черновиков. Она пишет сразу на черную доску, в белую тетрадь. Разыгрывает свой спектакль в актовом зале школы, в котором мы сидим, еще маленькие...

«Как мы заняли Министерство народного образования»

После Зимнего дворца пришла очередь министерств у Чернышёва моста. Как вспоминал Анатолий Васильевич Луначарский, Ленин сказал: надо, чтобы каждый ехал в порученное ему ведомство и живым оттуда не вышел, пока не завладеет

им... Это была прямая директива, но новая коллегия брать штурмом Министерство просвещения не решалась. Послали разведчика, эсера Бакрылова. Вернувшись, тот сообщил, что весь низший персонал безусловно за новую власть, но чиновники служить отказываются и заявляют, что как только Луначарский переступит порог ведомства, они уйдут оттуда, отряхнув прах с ног своих, и посмотрят, как большевикам удастся пустить в ход сложную машину просвещения российских народов. «Мне, — с улыбкой вспоминал первый нарком, — перспектива остаться с курьерами, истопниками и дворниками не улыбалась».

Однако делать нечего — пошли на штурм. Подъехали к зданию министерства на нескольких автомобилях, гуськом. Оказалось, что никакого сопротивления нет. На лестнице у подъезда стоят человек пятьдесят низшего персонала и восторженно кричат «ура». Прошли в здание. Оно совершенно пусто. Что делать? «Собрались в одной из комнат, — вспоминала Крупская, — и Анатолий Васильевич выступил с пламенной речью перед низшим персоналом — о задачах народного образования».

В ответ какой-то швейцар «в довольно прочувствованных и отчетливых выражениях заявил, что и в персонале Министерства народного просвещения шла классовая борьба и что они... служители и прислуга, чувствуют себя частью пролетариата и с восторгом готовы энергично служить новому начальству...».

Все новое. Новое министерство — комиссариат. Новые люди. А что это за люди? Их никто не знал. Кто такой Луначарский? Да, говорят, какой-то недоучившийся гимназист. Кто такая мадам Ленина, свалившаяся, как шутили, к нам на голову из Цюриха? Покровский? Познер? Никому и ничего не говорящие имена. Может, хотя бы видные большевики? Тоже нет. Ни один крупный, первого ранга большевик никогда не стремился в Наркомпрос. Сюда не ссылали даже провинившихся. Работали тут в основном чьи-то жены. Наталья Ивановна Троцкая заведовала отделом музеев; говорят, была женщина весьма разумная, принимала на работу старых, опытных людей (позже, правда, ее фамилия стала причиной разгрома «троцкистского краеведения»). Тут, в Наркомпросе, служили Злата Лилина (Зиновьева), Варвара Бонч-Бруевич, две сестры Менжинского, трое Луначарских. Родственное такое ведомство.

И общались по-родственному. На заседаниях часто слышались шутки, смех. Быстро освоились в старой бюрократической машине и через месяц-другой уже уверенно проводили коллегию, решали государственные вопросы. Но не так, как раньше, — без занудства, без волокиты.

Представьте себе большой белый кабинет с расписным потолком (привелось туда заглянуть — теперь там другое ведомство). За огромным письменным столом (экспроприированным у прежнего министра) — нарком. В глубоких красных бархатных креслах — члены коллегии. Разбирается какое-нибудь заявление. Вот хоть это — Всероссийского священного собора. А что он просит? Не отбирать, оставить ему духовные академии, семинарии.

Тов. ПОКРОВСКИЙ спрашивает: «Огласить?»

Тов. ЛУНАЧАРСКИЙ: «А там есть что-нибудь существенное?» (Смех.)

Тов. ПОКРОВСКИЙ: «Существенного я не нахожу ни в одном документе».

Тов. ЛУНАЧАРСКИЙ: «Тогда не стоит».

И — вопрос решен. Духовной школы больше не существует. К чему нам духовная, земская, народная, дворянская, железнодорожная (сколько их в России было?). Вместо них — единая советская трудовая! Удобно и демократично. Разделение

преподавателей на категории упраздняется. Преподавание Закона Божьего не допускается. Все экзамены отменяются...

Любопытно, что вся циркулярная деятельность нового ведомства проходит под знаком частички «не». Не разрешается. Не допускается. Осознавали ли это в Наркомпросе, не знаю, но стиль новых указов почти полностью совпадал со стилем старых, известных по не самым радужным временам российского просвещения. Тогда тоже в указах преобладала частица «не». Это странно. В ведомство пришли как будто новые люди, не чиновники, а говорят как по писаному.

Впрочем, были еще декларации. Жанр тоже не новый. Но во времена Наркомпроса расцвел с невиданной яркостью и силой. Никогда более в советское время декларации о народном просвещении не писались с таким пафосом: «Граждане, воспитаем не рабов, а свободную, творческую личность!», «Раскроем перед учеником энциклопедию мира!», «Превратим труд из проклятия — в источник здорового и активного начала!», «Добровольная дисциплина, дух взаимопомощи, самоуправление на началах полного равенства...»

Но вот что интересно. Хотя в этой знаменитой декларации Луначарского отрицалась всякая связь новой школы со старой, в основе ее лежали принципы, хорошо известные учителям до революции. «Всеобщее», «бесплатное», «единая», «трудовая», «на родном языке», «без всяких ограничений по сословиям», даже «самоуправляющаяся»... Уже не один десяток лет над этим работала русская педагогическая мысль. Достаточно заглянуть в любой либеральный дореволюционный журнал.

Зачем же выдавать за свое то, над чем давно работали другие? Недоумевавшим Наркомпрос отвечал: «Наша новая школьная программа не продукт кабинетного творчества теоретиков, как думают одни, и не простое логическое завершение “идеалов передовой педагогики”, как утверждают другие. Наша школа — это подлинное *детские Октябрьской революции*» (позволю себе выделить это место. — *А.Ц.*)

И русские учителя это поняли довольно быстро. За несколько учебных недель все стало ясно. Вместо чистых бюллетеней всеобщих демократических выборов — вооруженная диктатура. Разогнаны органы общественного самоуправления. Упразднены учебные округа. Назначаются комиссары...

Собравшись на чрезвычайное совещание, Всероссийский учительский союз заявил, что декларации Наркомпроса — ложь. «Русская интеллигенция находится в трагическом положении. До революции стояла старая деспотическая власть. Теперь... власть демагогическая».

Кому бы это понравилось? И новая власть отреагировала... нет, пока не арестами. Наркомпрос выпускает скромный такой циркуляр «Об ускоренном выпуске в текущем году». В нем говорится, что в школах России возникла невероятно тяжелая психологическая атмосфера. Налицо явный разлад между передовой молодежью и «отсталым учительством», идущим «против требований трудящихся масс». Разве можно в этих условиях заниматься? Какой же выход? Простой: «Предлагаю закончить все занятия к 22 декабря. Народный комиссар по просвещению А.В.Луначарский».

Такого указа не знала еще история педагогики. Министерство просвещения закрывает школы, поскольку учителя отсталые, учить не могут. Представляете, как ученики обрадовались!

При всей уникальности данного декрета можно было, однако, увидеть, что использованный здесь «педагогический прием» — намеренного противопоставления «передовых учеников» «отсталым учителям», умелого натравливания их друг на друга,

провокации, подрыва — не являлся собственно открытием Наркомпроса. Этот метод широко применялся новой властью в самых разных ситуациях. Отцы и дети, пролетарии и крестьяне, народ и интеллигенция — область использования метода безгранична. В то самое время, когда готовился декрет Наркомпроса, трудовых казаков учил Ленин: «Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки советской власти...»

Всегда есть чему учиться — были бы учителя. Новые сразу не появятся, приходится использовать старых. Конечно, это «негодный материал», объяснял в конце 1918 года Луначарский товарищам по Наркомпросу, но следует помнить положение Ильича: нужно быть ребенком, чтобы думать, что коммунисты своими руками могут построить коммунизм. Требуется использовать некоммунистических спецов. Надо привлечь их в школу по образцу Красной Армии, где мы перемалываем и подчиняем себе офицерство...

Очередной декрет Наркомпроса назывался «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей».

Опять-таки идея не новая. Выборы с участием родителей, местной общественности проходили и до революции. Таким образом школа пыталась тогда освободиться от «человека в футляре». Теперь большевики умело использовали эту процедуру для освобождения от «человеков» вообще.

Написан декрет о выборах просто и доходчиво. В нем говорится, что в народном образовании сам народ волен выбирать себе учителей, которые бы ему служили. Так выполним его волю. С этого дня все учителя считаются уволенными. А желающие служить народу должны в такой-то срок подать заявление в органы народной власти с соответствующими рекомендациями партийных органов и изложением своих политических взглядов. К декрету имелось знаменательное примечание: «Отсутствие звания учителя или диплома не является безусловным препятствием к занятию должности».

Ход был глубоко продуман. Забегая вперед, заметим, что, когда школьные преподаватели, народные учителя, директора гимназий возмутились и забастовали, их места быстро заняли активисты заблаговременно созданного Союза низших служащих — министерские дворники, школьные нянечки и швейцары.

Те самые, перед которыми со своей первой зажигательной речью выступил новоиспеченный нарком Луначарский.

«Белые» министерства

В те дни, когда Наркомпрос издавал свои первые декларации, разгоралась Гражданская война. Генерал от инфантерии Алексеев сменил убитого под Екатеринодаром Корнилова. После разгрома большевиками Учредительного собрания бурно формировалась Русская добровольческая армия. С юга на Курск и Орёл шел Деникин. С северо-запада — Юденич. С востока — Колчак.

Вокруг Петрограда начало образовываться знаменитое по школьному учебнику «огненное кольцо». С территорий, занятых большевиками, усилился поток беженцев. Среди них много интеллигенции: инженеров, врачей, профессоров. Немало учителей, возвращавшихся с фронта и уже наслышанных о переменах, бежали на территорию Добровольческой армии, в особенности на юг. Здесь в университетах, гимназиях, учебных округах мелькают то и дело знакомые петербургские и московские фамилии:

ближайшие сотрудники Столыпина, коллеги знакомого нам министра народного просвещения графа П.Н.Игнатьева, редакторы известных педагогических изданий.

Во время Гражданской войны наряду с красным Наркомпросом работало как минимум три белых ведомства народного просвещения. При Юдениче в правительстве северо-западной области России в г. Ревеле (Таллин) находилось Министерство народного просвещения, которое возглавлял Фёдор Александрович Эрн. Министерство просуществовало недолго, сохранилось мало архивов. Все же известно, что тамошние деятели просвещения считали: искажение большевиками идеи единой трудовой школы не основание для ее перечеркивания. В ходе наступления армии в ведомство были включены советские школы, но их реорганизация мыслилась не как возврат к старому. Население северо-западных областей России было наиболее грамотным и пыталось решать проблемы, сути которых сегодня многие даже не понимают.

Вот одна из них: русская школа в Прибалтике. До недавнего времени самая убогая, самая советская. По сравнению с эстонской или латвийской разрыв в уровне общего образования, культуры колоссальный (даже в учебных часах можно просчитать: в три раза меньше музыки и рисования, в два раза — истории и т. д.). А когда отставание началось? Смотрю архивы — и глазам не верю: в конце XIX века интеллигенция Прибалтики бьет тревогу: увеличивается разрыв в уровне образования! Грамотность в Риге по народностям в 1897 году: немцы — 837 грамотных на тысячу, латыши — 740, поляки — 631, русские — чуть больше пятисот. А в XX веке еще меньше: хлынули неграмотные переселенцы, беженцы из Витебской, Ковенской, Псковской областей. И не раз потом еще хлынут. В январе 1991-го беспокоились: не аукнется ли в Риге, Вильнюсе, Таллине разрыв в культуре? Аукнулся...

Тогда, в Гражданскую, эти проблемы только вызревали. Но деятели культуры северо-западных областей России считали, что их надо решать немедленно, старая школа отжила свое и не соответствует современным общественным настроениям.

Вот один из характерных документов, отражающих настроение этого российского региона в конце 1919 года: «Педагогический мир Пскова, представители городского и земского самоуправления, родительских организаций единодушно высказались... против возвращения школы к прежним ее формам и за желательную реорганизацию ее теперь же на принципах единства, преемственности и общедоступности».

Северо-западное правительство даже подготовило проект реформы школы. Последняя должна была, как и в Советской России, состоять из двух ступеней, причем первая — шестиклассная начальная (в Советской России — четырехклассная) подразумевалась бесплатной. Однако быстрое поражение армии Юденича оставило эту реформу на бумаге. Единственное, что успело министерство в самые последние дни перед эвакуацией, — «денационализировать книжный фонд», вернуть отобранные советской властью частные библиотеки их владельцам.

Дольше (около двух лет) действовало Министерство народного просвещения Временного сибирского правительства. Одно время, при Колчаке, это министерство возглавлял заслуженный профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников. Деятельность ведомства являлась многоплановой и охватывала все звенья образования: от народных детских садов до университетов. В школах сибирского правительства жалование учителя было в 2 раза выше, чем в Советской России (где народных учителей переименовали в шкрабов, а Ленин говорил: «Мы должны поставить учителя на такую высоту...»). Несмотря на растущую дороговизну, в сибирском правительстве росли расходы на образование, в том числе на внешкольное и педагогическое; в 1918 году в полтора раза увеличились расходы казны на содержание

магнитных и метеорологических обсерваторий. Активизировались учительские союзы, возобновились, как в прежние времена, командировки педагогов в культурные места России и за границу. Был открыт новый университет в Иркутске, подготовлен ряд законопроектов: о Томском институте исследования Сибири, об охране архивов и исторических памятников.

Как-то в Томской области я увидел старинное здание бывшей гимназии — с изумительной лепниной, колоннами, высокими окнами. На фасаде табличка: «Здесь в 1919 г. размещался комитет большевиков». Одни — строили, а другие — размещались. Теперь тут находилось ПТУ. За 70 лет советской власти к зданию гимназии пристроили военный плац с плакатом «Отдавание чести стоя» и холодную уборную во дворе. А тогда, в сибирском правительстве, развертывали школьно-строительный фонд имени Петра Великого, миллионными тиражами печатали учебники.

Впрочем, книг и учебников на Сибирь явно не хватало. Прекрасные библиотеки (по 10–12 тыс. томов и более) имелись лишь в губернских гимназиях. Да и сами учебные заведения были разбросаны по Сибири нещедро. В иных губерниях на 10–15 волостей с населением 12 тыс. душ не имелось ни одной школы. В сравнении с земскими губерниями Центральной России, где грамотных было более половины (Наркомпрос буржуазной школьной статистике не доверял и упрямо творил миф о поголовной безграмотности России), «неземская Сибирь» отставала сильно. По плану 1913 года Россия должна была покрыться школьной сетью всеобщего обучения к 1938-му, но дело шло медленно.

Понадобилось две войны и две революции, чтобы государственные мужи задумались о связи происходящего в народном просвещении с народным невежеством. Впрочем, и тогда эту связь понимали далеко не все. Однако факт остается фактом: в годы катаклизмов школьная сеть в Сибири начала расти невиданными до того темпами. Менее чем за полгода в 1919-м открыли 40 уездных и городских училищ. А хотели еще больше: «В Омской губернии — 614 низших начальных училищ, в Приуралье — тысячу одноклассных и двухклассных школ...»

Открыли ли? Архивы молчат.

Но знаю точно, что 28 декабря 1918 года Совет министров Временного сибирского правительства, учитывая «тяжелое положение народного образования» и необходимость «коренной реорганизации школьного дела», освободил учителей от призыва в армию (мы-то, кажется, и сейчас, в мирное время, не освобождаем). Началась школьная реформа. В архивах сохранились ее проекты, программы. По ним можно догадаться, что в Сибири тоже хотели школу трудовую, демократическую, как и на северо-западе, как и в Наркомпросе. Правда, стиль по сравнению с Наркомпросом принципиально иной.

«...Никакая сила извне не должна ни связывать, ни торопить учителя, всюду школа должна создаваться им совместно с учащимися и непосредственно вытекать из обмена мыслей».

Известный психолог и педагог, академик А.В.Петровский рассказывал, что в 60-е годы готовился к печати научный сборник, а в нем статья под названием «Развитие народного образования в период Временного сибирского правительства». Редактора этого сборника, замечательного педагога, математика и тогдашнего заместителя министра просвещения А.Маркушевича вызвали в ЦК партии: «Что это за правительство?!» Услышав фамилию «Колчак», в ЦК выкатили глаза: «Ну, если вы еще такой же ученый, как зам. министра...»

Скоро появился новый зам, а та единственная за всю историю советской педагогики «контрреволюционная статья» так и не увидела свет.

...А ведь было еще одно удивительное Министерство народного просвещения — при Врангеле. Много чего было. Зеркало, в которое веками смотрелась Россия, то мутное, то светлое, треснуло, расколосось — и осколки разлетелись далеко в разные стороны. Один — в Тамбове, другой — в Иркутске, третий — в Гуляй-Поле. Тут появилась «красная» школа, здесь — «белая», там, вообразите, — «зеленая». Самых разных оттенков... Как в детской песенке: «Мы ходили по Неглинной, заходили на бульвар. Нам купили синий-синий презлёный красный шар». Все это бы ничего, да ведь осколки!.. Неровен час, как в сказке про Снежную королеву, попадет в глаз кусочек разбитого зеркала — и все вдруг станет видеться в ином свете...

Тихий переворот

В Советской России бурлила всеобщая учительская забастовка. Надо было знать психологию российского учительства: в самые нетерпимые дореволюционные времена бастовал кто угодно — только не учителя. Забастовка в педагогической среде считалась за границу этических норм. Пока учитель оставался учителем, он не мог бросить детей, отданных обществом под его духовную опеку. Поэтому, когда появилась директива Наркомпроса о «всенародных выборах», учителя встали перед дилеммой: или склонить голову перед самозваной властью, вручить судьбу школы малограмотным авантюристам — или бастовать (и, может быть, покинуть школу навсегда).

2 января 1918 года в Университете Шаняевского состоялся большой митинг деятелей просвещения (среди них известнейшие педагоги того времени: Н.Чехов, В.Герд, С.Золотарёв). В аудитории были заняты не только скамьи, но и все ступеньки в проходах. Шли жаркие споры.

«Мы видим крушение всех политических завоеваний и не можем идти за теми, кто разрушает свободную школу и свободное государство». — «Но против кого бастовать? Не против ли того самого народа, которому учительство отдавало все?..» — «...Деформация души углубляется. Дети производят ночные обыски у саботажников и дрожащими руками перебирают чужие письма, роются в шкафах...» — «Но если молодежь вторгается силой вещей в круг политических вопросов, то долг педагога не уходить от ответственности... Если царь-голод ставит подростка около фабричного колеса, то нужно показать этому подростку, как ему уберечь свои пальцы от зубьев и ножей дикой, слепой машины».

Учителя склонялись к компромиссу с этой машиной. Хорошо, пусть выборы. Но пусть учителей выбирают коллеги! Между тем дело шло своим чередом. Новая власть быстро формировала выборные комиссии. В Екатеринбурге в комиссию по выборам педагогов вошли 28 человек: половина — из Советов рабочих депутатов, а другая половина — ученики, члены Союза коммунистической молодежи. В Воронеже они опубликовали декларацию: от перевыборов учителей — к «достижению диктатуры ученического пролетариата внутри школы».

Желая спасти учеников от безумия, учителя предлагают власти новый компромисс. Делегаты учительского союза Московской губернии на съезде признали факт перехода всей власти в руки Советов. Вступая в «деловые отношения» с новой властью, просили лишь о простой порядочности: не требуйте от нас унижительной расписки, партийных поручительств, признайте автономию школы! Святая простота!.. В Казани учебные

заведения тоже обратились с вопросом: как смотрит местный комиссариат просвещения на школьную автономию? Ответ последовал такой: «Полная автономия в сторону реформы школы и суд народа, если уклоняются от этого пути. Комиссар просвещения А.Максимов».

Линия Наркомпроса выдерживалась жестко. Покровитель искусств, тонкий ценитель сложного духовного мира личности Анатолий Васильевич Луначарский не шел с педагогами ни на какие компромиссы. Один старый педагог из Академии педагогических наук сказал однажды мне про Луначарского: «Он, знаете ли, был с загибом...» Казалось, он чего-то недоговаривает. С именем Луначарского связывалась какая-то загадка: революционные идеалы, новаторство 20-х... В начале перестройки, когда развернулась критика сталинизма и началась романтизация ленинского периода, над Луначарским засиял нимб мученика. Прошло еще немного времени, и проступил лик злодея...

Как человека мы знаем Луначарского мало. С его именем связывают много анекдотичного, почти водевильного. Известно, что первый нарком был капризен. Что-нибудь не так, отказали в ассигнованиях — заявление в прессу. Восемь раз подавал в отставку. В ноябре семнадцатого, узнав про обстрел Кремля, упал в обморок: гибнут исторические ценности! И сам, своими декретами, разрушил немало ценностей... Николай Бердяев, встречавшийся с Луначарским до революции, в вологодской ссылке, заметил, что по характеру будущий нарком просвещения был менее всего жесток и его, наверное, шокировала деятельность ЧК. «Он был человек широко начитанный и одаренный, — говорит Бердяев, — но на нем лежала печать легкомыслия». Так же, только со знаком «плюс», считал и Ленин: «Чертовски талантлив, — сказал о Луначарском Ильич, — его “чертовский талант” сослужил большую службу революции».

Компромисса не получилось. Российское учительство оказалось загнанным в угол. Первыми забастовали школы Москвы, затем — Петрограда, Саратова, Казани, Екатеринбурга...

Власти реагировали незамедлительно. Бастующих учителей лишили жалованья и продуктовых карточек. В то голодное время это было равносильно смерти. Начались выселения учителей из квартир, обыски и аресты.

На место не желавших подчиняться старых учителей стали приходиться новые, прошедшие выборы. Среди них обыватели, которым было безразлично, кому служить, и фанатики из Союза учителей-интернационалистов. Директорские и учительские места занимали министерские курьеры, школьные швейцары, нянечки, ротные писари...

Мы думаем, что российская школа кончилась, когда поменяли ее программу? Чепуха! Она кончилась, когда из нее ушли учителя...

В 1918-м в Советской России они еще были. Некоторые ученики тайком бегали от новых учителей к старым и, вспоминая урок из курса Закона Божьего о Христе и Никодиме, таинственно шептали на ухо своей учительнице: «Мы ваши тайные ученики...» И еще — неожиданно для большевиков — учителей поддержали родители. Тот самый народ, именем которого действовала власть. Не только интеллигенция, но и рабочие окраины Москвы и Питера пришли на родительские собрания и выразили учителям «доверие и солидарность». Эти родительские собрания были разогнаны. И созданы новые. Злоба, ненависть, клевета обрушились на учительство. «Они, несомненно, убоялись света... — говорилось в обращении Всероссийского учительского союза, — убоялись сближения учительства с населением: слепые прозреют и увидят, в какую пропасть ведут их вожди большевизма».

В золотой фонд отечественной педагогики должна войти Уфимская учительская забастовка 1917—1918 годов. Вот ее основные этапы.

19 декабря 1917 г. в Уфе создана губернская коллегия по народному образованию. Председатель — комиссар Семеновская, курсистка Высших женских курсов, члены коллегии — фельдшер, конторщик и неграмотный. Постановили: упразднить учебный округ, уволить попечителя, ликвидировать институт директоров и инспекторов и т.д. 21 декабря: как протест против насилия во всех школах занятия прекращаются. 31 декабря: революционный комитет занимает здание епархиального женского училища. 6 января: получено сообщение о разгоне Учредительного собрания. В этот же день коллегия выдвигает ультиматум: или учителя приступают к своим обязанностям, или они будут уволены, а организаторы саботажа арестованы. 15 января: школы по-прежнему пустуют. С 20-го начинаются замены педагогического состава в основном подростками-гимназистами и бывшими солдатами.

Революционная коллегия Наркомпроса объявляет все школы губернии «социалистическими».

Тогда учителя принимают неожиданное решение: с помощью родителей и обществности города строят частные школы! Низшие начальные, как и прежде, бесплатные, а для оплаты жалованья учителей создается фонд их поддержки, коллеги поддерживают коллег! 26 марта открываются первые частные, вернее сказать, независимые школы. Постепенно в них переходят ученики и учителя из «правительственных». Революционная коллегия в бешенстве, но сделать ничего не может — частные школы декретом Наркомпроса не упразднены. Всего таким образом в Уфе было «переоткрыто» 28 низших и двухклассных заведений, два высших и все средние учебные заведения. Уникальный случай! В таком количестве частные школы не открывались нигде и никогда.

Но в Советах сидели тоже не дураки. Коллегия в составе фельдшера, конторщика и неграмотного посоветовалась с товарищами — и школьные здания отдали под постой красной кавалерии. Срочным порядком в Уфу завезли из Петрограда несколько тысяч беспризорных детей. Их размещали не в пустых «правительственных», а в переполненных «частных» школах. Вид беспризорников подействовал на учителей сильнее кавалерии...

Старая орфография

Осколки старого мира разлетелись по всей России. Один из самых крупных оказался на юге. При Деникине он назывался управлением, а с 1920 года, при Врангеле — Министерством народного просвещения. Министра И.И.Малинина Деникин характеризовал одним словом — «либерал».

Министерство находилось в Крыму. Казалось, здесь к концу Гражданской войны собралась вся дореволюционная Россия. Пестрая, разночинная, с бойкими разносчиками горячих бубликов и газет, с важными господами и разгуливающими по набережной дамами, спекулянтами и бывшими членами Государственной думы, юнкерами, студентами, профессорами... Жили какой-то своей жизнью, уже не прежней, но и не новой: пересадка в пути, когда поезд задерживается и неизвестно, когда его подадут к перрону. Но жизнь продолжалась, ходили на службу, праздновали именины, растили детей... Пережив ужас революции, все хотели одного: чтобы все поскорее стало как прежде.

Вот стенограмма важного педагогического совещания в Симферополе. Один говорит: надо вернуть прежнюю орфографию. Другой возражает: не надо. А в чем суть спора? В том, что новой орфографией пользуются большевики. Позвольте, при чем тут большевики? Новую орфографию ввело Временное правительство!

Сегодня думаешь, что в этой старой бюрократической машине много очаровательного. И много глупого. Выпускник учительской семинарии желает сдать экзамен за университет и недоумевает: почему снова нужно повторять школьный экзамен? Почему нельзя сразу? На полях его заявления резолюция: «Закон не допускает».

Да, старые бюрократы. Но все же — закон. Не «революционная совесть». Чиновники скрипят перьями: «В согласии с законом 1908 года...»

«Пошла писать губерния»? Но эта древняя законопреемственность наполняла их работу смыслом, позволяла и впрямь что-то восстановить, утвердить. Они возрождают прежние училища (стекла в окнах, выбитые артиллерией, изломанную мебель). Учреждают на основании решения уже не существующей Думы университет в Таврии, открывают в Севастополе Юридический институт. И получается, вообразите, совсем не глупо! Получается, что вся эта старая канцелярия — «столов черных с двумя ящиками... длинных желтых скамеек...» — людям необходима.

Эта фаза южного ведомства оказалась короткой. Даже по бумагам видно: «господин министр» скоро сменяется «гражданином». Восстановить прежнюю орфографию невозможно. К тому же ритм жизни данного ведомства особый. Дружественный Наркомпрос только однажды переехал из Петрограда в Москву (потеряв по дороге ящики с имуществом, в результате чего все проблемы народного образования были отброшены и месяц все искали ящики. Это и по протоколам заседаний видно: «Где ящики? Куда девались ящики?»). А южное ведомство перемещалось постоянно, можно сказать, блуждало вместе с линией фронта.

Все эти годы в ведомстве мучились со сметами. Только утвердят ассигнования на подведомственные школы — фронт сместился, и уже непонятно, чьи теперь школы: «белые» или «красные»? А ученики — чьи?

Вот удивительный документ эпохи — может, сегодня он пригодится и нам. «11 ноября 1919 г. Циркулярно. Гг. попечителю и окружным инспекторам учебных округов. В последнее время все чаще встречаются случаи обращения бежавших из Советской России учащихся с просьбами о принятии в соответствующие классы средних учебных заведений, причем в подтверждение своих словесных показаний они или предъявляют советские свидетельства, не имеющие никакой юридической силы, или не предъявляют никаких...»

Что же делать, рассуждает чиновник: с одной стороны, в Советской России налицо разруха школьного дела, установить преемственность тех школ и этих (с вековой традицией) нет никакой возможности. А с другой — нельзя же оставить детей без школы!

И как вы полагаете, что придумали чиновники? Ни за что не догадаетесь!

В архиве хранится «Временная таблица соотношения между классами школ на территории Добровольческой армии и советских». Два столбика друг против друга: классы «белой» школы и «красной». Младшему, подготовительному, чиновник поставил в соответствие младшую группу советской школы первой ступени. Эти столбики — не враждующие армии. Это дети...

Разбитое сердце

Никакой документ не выразит точнее дух времени, чем эти школьные отчеты! Составленные на дореволюционной мелованной бумаге, со старыми «ятями» и такими отстраненными от времени вопросами. Когда было основано училище? Сколько учащихся подвергалось экзамену и выдержало таковой удовлетворительно?

Вопросы из одного времени, а ответы — из другого. Разделяют их всего каких-то несколько лет, но они как будто не слышат друг друга — вопросы, подразумевающие другие ответы, и ответы — вовсе не на эти вопросы.

Две разорванные жизни. «Чем замечателен отчетный год в жизни училищ? Особые случаи, экскурсии, прогулки, праздники, древонасаждения, вечера, елки?..»

Я прямо-таки как живого вижу этого директора: в стоячем воротнике, с блестящими пуговицами на мундире. Тщательно протирает пенсне. Прислушивается к чему-то в собственной душе. И пишет ответ:

«...В течение апреля город три раза переходил из рук казаков в руки красных, от выпущенных артиллерийских снарядов повредилась крыша, и в окнах училища выбито много стекол. Несчастий с детьми, слава Богу, не было... При большевиках число учащихся уменьшилось, и значительно усилились манкировки. Вообще, ученики стали относиться к учебным занятиям крайне небрежно» (красные, белые, серо-буромалиновые, как бы с осуждением говорит директор, а учебный процесс нарушать недопустимо...).

Какой там еще вопрос?

«Преподается ли рукоделие? Изучаются ли пение, гимнастика, дополнительные предметы?»

«...По Положению о трудовой школе, в какую училище было переименовано советской властью с 1 апреля 1919 г., были определены занятия под открытым небом: в саду, в огороде, в поле. Но из этого ничего не вышло, так как при училище нет ни сада, ни огорода, ни поля...»

Тут директор смотрит в окно. Интересно, что он там видит? Ну что можно увидеть в пыльном уездном городе? Разве что небо...

«Сколько преподавателей с университетским образованием? Выдающиеся вопросы, обсуждавшиеся в педагогическом совете?..»

«...Из преподавателей особенно пострадавшими являются учитель математики М.Рабинович, уволенный по доносу учащихся ячейки коммунистической молодежи “за несоответствие социалистическому строю школы” (причина доноса крылась в строгом требовании указанным учителем выполнения уроков), законоучитель протоиерей Евгений Николаевич Белозеров, учитель Александр Павлович Скипенко, содержащийся в Воронежской тюрьме...»

«Достаточно ли светлое помещение? Имеется ли при школе двор или сад? В каком состоянии библиотека и наглядные пособия?»

Вот извлеченная из того же архива таблица. Именуется как поэма: «Список испорченных, уничтоженных и бесследно пропавших учебных пособий и других предметов, хранившихся в шкафу в учительской комнате, квартировавшими 29–31 августа 1918 г. в помещении высшего начального училища солдатами Красной Армии».

Да и строки таблицы под стать «Илиаде»:

Электрическая машина Винтера	1	18р.	разломана и уничтожена
Франклинов кипятильник	1	10р.	разбит
Архимедово ведро	1	5р.	унесено
Кубический дециметр	1	4р.	ящик разломан, кубики, бруски и квадратные доски раскиданы
Чучела птиц цыпленка, утки, дятла, галки, ястреба и скворца	6	11р.	унесены дятел и утка
Глазное яблоко с оболочками	1	10р.	разбито
Модель сердца взрослого человека	1	12р.	унесено

Никогда мы не узнаем, кто и зачем это сделал. Но это расколотое где-то втихомолку глазное яблоко, это утащенное в «архимедовом ведре» сердце не дают мне покоя.

Из материалов особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем вооруженными силами юга России (Новочеркасск, 1919 г.):

«На трупе капитана Лемешева обнаружено до десяти глубоких штыковых ран на спине и боках и разворочена грудная клетка с вынутыми легкими... На трупе подполковника Полякова рана в затылочной части черепа, до пяти глубоких штыковых ран и разорванная грудь, причем сердце было вынуто и валялось рядом».

Строители новой школы

Старинное московское здание на Чистых прудах — бывший Наркомпрос. Широкая лестница, длинные красные ковровые дорожки. Теперь тут Министерство образования России. Пришли новые люди. «А вы по какой лестнице ходите?» — спрашивает старый работник аппарата министерства моего знакомого, как раз нового министерского работника. «Как — по какой?» — удивляется новый. «Мы ходим по той, — доверительно объясняет старый, показывая лестницу черного хода, — а по этой ходит министр...»

Рассказывая, мой знакомый смеется. Он ходит на коллегия по главной, парадной лестнице, вызывая шок старожилов. Никак они не могут привыкнуть к переменам (впрочем, стоит ли привыкать, надолго ли?).

После революции атмосфера в Наркомпросе тоже была самая демократическая. Собирались у буржуйки с морковным чаем и до рассвета обсуждали заворачивающие картины будущего. Может быть, даже в этой комнате. Или в этой...

«Протокол № 45 заседания 14–20 июля 1918 г.

Тов. ЛЕПЕШИНСКИЙ оглашает тезисы, выработанные отделом реформы школы:

1. Учебное время продолжается круглый год.
2. Школьники занимаются 7 дней в неделю.
3. Учителя должны избегать пользоваться учебниками...

КРУПСКАЯ. Учебники не должны быть отменены. Учебник как учебный материал, данный в руки учеников, ничего дурного сам по себе не представляет. Другое дело — как он будет использован.

Тов. ПОЛЯНСКИЙ. Наша первая задача — изгнание из школы ненужного хлама. Мы уже изгнали Закон Божий, латинский язык, мы также должны изгнать, вообще обязательное изучение языков, даже русского, старая математика и словесность должны быть изгнаны из школы...»

...Кто же все-таки эти люди — первые руководители «красного просвещения»? Невежды? Фанатики? Проходимцы? Некоторые из них именовали себя «саперами революции», «подрывниками старой школы». Сотрудник отдела реформы школы Л.Шапиро на полном серьезе говорил товарищам: «Мы глубоко опечалены тем, что наша минно-подрывная работа идет недостаточно интенсивно, и зовем всех, в ком жива энергия творческого подъема, спешить с разрушением школы». Нет, это не был «корабль дураков», как называли Наркомпрос в «белых» ведомствах просвещения. Это был корабль дилетантов. Вначале прекраснородушных. Казалось, всё они смогут, им и море по колено. В новой школе, которую они построят, не будет окриков, наказаний, а только энтузиазм, творческий труд и живая тяга к знаниям.

«Я помню, — вспоминала об этой поре Крупская, — как кто-то привел в Наркомпрос молодого парня, приехавшего из деревни. Он слышал, что бедняцкой молодежи теперь можно учиться.

Приехал в Москву, разыскал памятник Ломоносову, сел около него и ждал, что его кто-нибудь возьмет и ответит учиться».

Тяга к знаниям действительно была огромная. И в разгар Гражданской, так же как на территории белых, у красных росла сеть школ, открывались клубы, рабфаки...

В середине 20-х в Праге будет создан Институт изучения России, и эмигранты — известные русские статистики, экономисты, педагоги — будут исследовать причины этого феномена: роста, несмотря ни на что, системы образования на родине. Приедет делегация зарубежных учителей изучать русскую школу. Будут восхищены. Великий Дьюи заплачет: то, о чем мы мечтали, вы сделали... Что же их так поразит: массовый энтузиазм, огромные потенциалы?

Да, и то и другое было. Вспомним кадр старого советского кино: бородатые неграмотные мужики обступили грамотного чтеца. Слушают про советскую власть. По всем селам, деревням слушают. А попробуй — не послушай. Ведь 10 декабря 1918 года самим Ульяновым (Лениным) был издан декрет «О мобилизации грамотных». Всем грамотным России предписывалось встать на учет, закрепиться каждому за отведенным участком города или селом и, как сказано в декрете, «ясно и толково читать вслух» ленинскую «Правду». И еще как читали! Уклонение от «мобилизации для выполнения обязанностей чтецов» (впрочем, как и слушателей) каралось революционным трибуналом.

Вот тебе и ликбез! Вот тебе и народное просвещение! «Учиться, учиться и еще раз учиться!» — с годами это известное обращение к молодежи приобрело отвлеченный смысл. А Владимир Ильич, как всегда, говорил конкретно. Луначарский комментировал это так: бороться, бороться и еще раз бороться за молодежь, «потому что поскольку молодежь будет завоевана и не выпадет из рук рабочего класса, постольку она будет мощным оружием в предстоящей борьбе».

В конце 1919 года бюллетени комиссариата торжествующе сообщали: фундамент новой школы заложен! Увы, деятели Наркомпроса часто принимали желаемое за действительное. Даже там, где старых учителей полностью заменили новые, прошедшие краткосрочные курсы, новации прививались туго. В Орловской губернии, например, записались на курсы новой школы 310 человек. Курсантам выдали повышенный красноармейский паек. Но половина не проучилась и трех месяцев. Другие новоявленные учителя, придя в школу, начисто забывали передовые приемы преподавания: «книга — бич детства», «в письме надо самый жесткий контроль объявить линейкам, особенно косым», «долой изложение, да здравствует свободное сочинение!» — и принимались неуклюже копировать старые методы обучения. Да и как могло быть иначе —

школьная прислуга еще помнила гимназические времена и относилась к прежним учителям (а теперешним коллегам) дружелюбно, похлопывая по плечу. В душе директор-швейцар считал, что обучение по-новому — это блажь.

В революционном Наркомпросе не понимали, что происходит: реставрация? Контрреволюция? В 1917 году Луначарский жаловался на нехватку людей, а в 1921-м недоуменно разводил руками: в аппарате сидели 100 тысяч чиновников — в 15 раз больше, чем при старом режиме. И вот беда: этот новый аппарат, сменивший старый, оказался страшно неблагодарным. Почуввав опасность сокращения, собрался в комфракцию ЦК Всероссийского союза просвещения и 29 июля 1922 года обратился в ЦК РКП(б), требуя отставки Луначарского. Просили заменить его Троцким. «Назначение тов. Троцкого, — говорилось в обращении нового аппарата, — поднимет столь низко павший авторитет Наркомпроса... поможет сдвинуть воз просвещения из того гнилого болота, в котором он находится сейчас».

Нарастала «тоска по Троцкому». Прекраснодушные дилетанты начали превращаться в воинствующих невежд. «Чудовище пожирало чудовище».

В конце 20-х годов развернулись масштабные «педагогические процессы». Теперь бывшие соратники клеймят, уничтожают друг друга. В 1931 году выходит постановление «учителя народов», который называет новаторство 20-х годов «глупыми идеями». Закрываются все опытные станции, прекращаются все эксперименты. Куда-то пропадают заведующие школами-коммунами. Сама школа резко меняет облик: в нее возвращаются строгий контроль, отметки, дисциплинарные взыскания.

Такой удивительный виток сделает школьная история. Не менее удивительно другое. С середины 30-х годов произойдет возврат к идеям самодержавия. Как апологетика мудрой сталинской политики начнется безудержное воспевание всего «русского». И тогда восстанет из пепла старая дореволюционная педагогика. Восстановят не только Ушинского, Толстого — мельчайшие имена бывших противников будут печатать миллионными тиражами. Нет худа без добра.

В тот период извлекут на свет и некоторые старые программы, учебники, по которым будут учиться до 50-х годов. Если кто помнит, по математике, физике они были очень хорошие, ясные. А имена тех, кто в начале 20-х их выбрасывал? Кто делал революцию в народном просвещении, кто искренне верил? Их имена забыты, вымараны из педагогической энциклопедии. Многие стерты в лагерную пыль.

Такова история дилетантов. Но закончена ли она?..

«Зе-лё-ны-е!!!»

А еще ведь был «курень смерти» Петлюры. Атаманша Маруська. Народный учитель батька Махно. У них тоже имелась своя школа. У каждого правительства — краевого, станичного — свое народное просвещение. И они не собирались ни в какую федерацию. «Яка до биса хвадирация, — заявляли казаки, — колы бэз штанив сыдымо».

Без штанов и без просвещения — и тогда федерация не получилась. Вот странно! До революции, в «тюрьме народов», национальные проблемы не звучали так яростно, хамски, оголтело. На территории Черноморского округа — будущих «зеленых», на Дону, Кубани издавались вполне уважаемые педагогические журналы. В иных станицах действовало по десять училищ, работали школьные кооперативы, вводилась гимнастика по системе Лесгафта, создавались фребелевские курсы... Культурное вроде общество. А дореволюционные станичные атаманы ничуть не похожи на

послереволюционных: благопристойные люди, почетные члены школьного попечительства. И как все переменялось! Теперь батьки и атаманы (крест-накрест пулеметные ленты) дружно голосовали за «самостийную школу». Симон Петлюра основал Украинскую академию наук (торжественное открытие ее состоялось в 1919 году). Годом раньше издали пухлый том «Украиноведение» со всеми учебными предметами (украинское «естествознание», даже физика и химия — украинские). Минская городская дума запретила в школах — как заразу — Жуковского, Гоголя, Пушкина, Салтыкова-Щедрина...

Даже горцы Кавказа, спустившись с гор, заявили союзникам о полной автономии школы! Теперь все ходили на уроки только в национальной одежде, пели национальные гимны. И вешали на фонарях не только свои флаги, но и учителей — и красных, и белых...

Торжествовала реакция. На поверхности оказывалось то, что многие годы воспрещалось и преследовалось. Ведь преследовалось же? Запрещали школам праздновать юбилей Тараса Шевченко? Не желали видеть в классе портрет усатого Шевченко — черта лысого в подарок получите: Котовского! Заключали в черте оседлости, не пускали в университет, громили хедеры — выучили Троцкого! «Закон Божий католиков заставляют вести на русском... В армянских школах волнения — не утверждают учителей... Мусульманская школа переживает глубокий кризис. Все это движение национальной школы ищет себе выхода...» — предупреждали задолго до революции.

И какой все это нашло выход? В Гуляй-Поле батька Махно проводит реформу просвещения! Вот еще одна неизвестная страница нашей истории. В молодости Нестор Махно сдал экзамен на звание сельского учителя, одно время учительствовал в Мариупольском и Брянском уездах. Пропагандировал среди крестьян анархическое учение. Сохранились свидетельства, что учитель Махно имел дар: так влиял на крестьянскую молодежь, что никто не смел его ослушаться. «Я приказал, и надо исполнить», — властно распоряжался Махно, сверкая глазами. И его приказы исполнялись. Совершались налеты на погреба, усадьбы, уездные казначейства. За разбой и убийства был осужден, но после Февральской революции оказался на свободе и опять занялся народным просвещением. В своих мемуарах «Русская революция на Украине» эмигрант Махно позже вспоминал: «Одно меня угнетало — это отсутствие у меня надежного образования... в области проблем анархизма».

Вернувшись в Гуляй-Поле, Махно организует «комиссию» — обследовать состояние народного образования. Почему нет школ анархизма? И чем вообще занимаются? «В 10 часов утра я, в сопровождении товарищей, был на базаре, рассматривал площадь, здания домов и гимназий. Зашел в одну из них, где встретился с директором и долго говорил с ним о программе преподавания, в которой (кстати сказать) ничего не понимал, — самокритично вспоминал Махно, — но узнал, что Закон Божий в программе стоит и, по словам директора, ревностно оберегается попами и отчасти родителями учащихся. Я очень возмутился...»

Вначале Махно ратовал за мирную реформу школы. Даже, как вспоминает, записался членом Общества просвещения. Глубоко верил, что, став членом этого общества, пошатнет религиозный вопрос. Но через просвещение не получилось. И тогда Махно начал свою реформу...

Это сейчас кажется фарсом. Банды народных учителей (а в окружении Махно их было много) мотаются на каких-то рыдванах с пулеметами по деревням и селам, устанавливают советскую власть. Да, настоящую, не большевистскую, а — с крестья-

янскими съездами и выборными советами хлеборобов анархистов-коммунистов. Издавали собственные указы, имели свои газеты. И школы действовали — на полном самоуправлении.

Вот бред! И батька Махно хотел ту же школу — свободную, трудовую, самоуправляемую? Все, если задуматься, — красные в косоворотках, белые с золотыми погонами, эти «зеленые» с пушкой на телеге, — в сущности хотели одного. Все по-своему хотели добра. Все кричали одно и то же — и не слышали друг друга.

Точь-в-точь как сейчас...

«Кто он, откуда, куда он идёт?»

В марте 1920 года находившийся в Севастополе отставной генерал-лейтенант Врангель был призван Русской добровольческой армией последним главнокомандующим. Как вспоминают очевидцы, Врангель слыл человеком своеобразным. В отличие от Деникина («очаровывавшего своим милым добродушным лицом», но игнорировавшего мнение собеседника) Врангель, напротив, старался с жадностью черпать в самой жизни ответы на вопросы своей политики. Шансы победы над большевиками он оценивал как «один из ста». Да и этот один шанс видел не в новом походе на Москву, а в том, чтобы возможно скорее закончить Гражданскую войну с сохранением южнорусской государственности и «единую Россию» не положить в фундамент программы (как это было при Деникине), а сделать крышей медленно строящегося здания. Крымский полуостров для него был чем-то вроде катушки, на которую постепенно наматывалась бы вся Россия.

Создание государства в Крыму началось с большим подъемом. Среди ближайших советников Врангеля встречались люди немалого государственного ума и опыта. Благодаря управляющему ведомством иностранных дел Петру Борисовичу Струве крымское правительство быстро наладило торговые связи с миром (в Гражданскую войну экспортировали даже зерно). Провели ряд крупных реформ. Одна из самых радикальных — аграрная: передали всю землю в руки среднего и зажиточного крестьянства. Восстановили земское самоуправление, но на новых началах — крестьянских (вся разночинная сельская интеллигенция, включая народных учителей, не имела права участия в волостных земствах). Бурно расцвела при Врангеле печать: газеты, вестники росли как грибы, однако независимые издания — в Ялте, Феодосии — часто выходили после цензуры с пустыми столбцами.

Временами давали о себе знать вспышки антисемитизма, погромные речи раздавались даже с амвона кафедрального собора. Росли спекуляция и взяточничество, страшно падали бумажные деньги (разменной монетой стала ассигнация в 500 руб.), в ущерб фронту разбухал тыл.

И все же... Хватало сил и средств на народное просвещение. Вначале министерство располагалось в Севастополе, что было крайне неудобно и дорого — весь губернский аппарат оставался в Симферополе, добрая половина севастопольских чиновников просвещения только и делала, что занималась перепиской с подчиненными губернскими учреждениями (сохранились горы архивов). Поезда ходили нерегулярно. И ходоки добирались в министерство, ночуя по дороге в волшебном Бахчисарае, по выбитому грязному севастопольскому шоссе, на лошадях, как в предыдущем веке...

За это время все же был решен вопрос об инородческой школе. Легализованы татарские учительские семинарии, открыты местные художественно-промысловые

училища. В высшей школе подняли жалованье профессорам и, учитывая поток беженцев, открыли новые кафедры. А когда министерство переехало в Симферополь, работа пошла с удвоенной силой.

И что же — все напрасно? Все прахом?

Университет в Симферополе при Врангеле основал Вернадский. В здании средней школы № 1, бывшей симферопольской первой гимназии, учился будущий конструктор Королёв. Какая причудливая связь: жизнь, биосфера, космос — и гражданская война, «белые», «красные». И какое странное чувство одиночества возникает, когда роешься в старых папках (как будто ты один среди звезд, а внизу — шарик синий вспыхивает, наливается красным). В них все перемешано: сводки с фронта, засушенная бабочка из гербария, извещение о смерти, фотография детской площадки в Ялте... Пожелтевшие афиши того времени. В садах общественного собрания — детские спектакли: «Мальчик-с-пальчик», «Кот и лиса», «Снегур Снегурович»... Сами дети инсценировали, шили костюмы, играли. Как всем детям, им нравились сказки с хорошим концом. Так почему же, вырастая, они оказывались втянутыми в сказку с концом столь плохим? Куда улетел воздушный шарик удивительной российской культуры, воспитания домашнего и общественного, какие нам и не снились — университеты, лицеи, гимназии, коммерческие училища, кадетские корпуса?..

Мы ведь столько лет практически ничего об этом не знали. Про сто типов школ помните? Про двести — только в центральной полосе России! — педагогических газет? Про триста — открывшихся только в одном квартале 1915 года — научных и культурно-просветительных обществ? Царскоесельское общество содействия физическому развитию подрастающего поколения «Русский витязь». Харбинское общество распространения среднего образования. Общество разумных развлечений города Самары... Сколько поколений — и каких разных — строило российское народное образование: промышленники, культурные бюрократы, меценаты, кооператоры, духовенство, попечители, земские деятели!.. И сколько тупости, невежества в русской истории в отношении к образованию! Как холодно-безразличны были цари! Как поздно начинали и как медленно двигались по пути прогресса! Как легкомысленно относились к опасностям, способным превращаться в катастрофы! Почему накануне — всякий раз только накануне! — общественных переломов, войн, революций просыпался у общества интерес к культуре, народному образованию? Кажется, чем острее становился жар испепеляющего огня, чем острее осознавался конец, тем скорее и смелее шли перемены в народном образовании. Как будто в приближающемся конце люди прозревали и за месяцы, недели, дни пытались сделать то, чего не сделали за века.

«...Все начальные училища переданы в ведение земств и городов... Проведена децентрализация ведомства, вдвое сокращен аппарат. Принят закон о поддержке общественной и частной инициативы...»

«Я стал доказывать Врангелю, что он совершенно не понимает, что такое “общественность”, о которой так часто говорит, — вспоминал председатель губернской управы князь В.А.Оболенский. — Вы должны понять, Пётр Николаевич, что общественность может быть только свободной, общественность, лишённая свободы суждений, общественность, раболепствующая перед властью, теряет смысл своего существования...»

Не могли же они этого не понимать!

Вся российская история доказывала: засыпает общественность — просыпается смута. Впрочем, Врангель предпочитал другую формулу: «диктатура, опирающаяся

на общественность», «сильная власть в дружной работе с широким местным самоуправлением». Так говорили и дотолле. Так будут говорить и потом.

Но осуществить эту формулу еще никому не удавалось — то ли потому, что в ней изначально заключено неодолимое для России внутреннее противоречие, то ли оттого, что все российские диктаторы органически не способны понять дух общественности. Дух народного просвещения.

«...Преобразуется система профессионального образования... Открыты высшие курсы крестьянского права и хозяйства. Поставлен вопрос о реформе народной школы...»

Кто-то ведь читал в южном правительстве удивительный доклад нынче никому не известного инспектора русских народных училищ И.М.Гепнера о воссоздании народной школы. Прежде чем написать свою докладную записку, он объехал все русские села губернии, накопил огромный материал, беседовал с крестьянами, «только что вырвавшимися из огня большевистских социальных экспериментов», — и все это служит ему основанием своего взгляда на народное образование.

Что говорят теперь крестьяне? Школа — «это окошко, сквозь которое из своего угла да на весь мир глядеть можно». Однако та школа, что есть, ненастоящая. «От одного берега отплывают, а к другому не приплывают», «ни поп, ни пахарь» — так отзываются они о выучениках народной школы, об оторвавшихся от корней, умноживших племя деревенских лодырей, городских хулиганов, темных, но уже с претензией, не способных приняться ни за какой труд. Кабак, гармошка, «пинжак» и сапоги «бугылкой» — вот идеал этих людей, мнящих себя деревенской интеллигенцией. И городской — пролетарской, большевистской... Как точно сказано: «От одного берега отплывают, а к другому не приплывают». Там, между берегами малой речки, впадающей в большую, может, и происходит все: топят, тонут, тянут за собою. А чем же могут помочь школа, образование? Предложения инспектора Гепнера кажутся простыми. Почти банальными.

Первое: школа должна помочь тем, кто хочет и может доплыть до другого берега, уйти от сохи к профессиям умственным. Абсурдно предположить, пишет он, что это могут сделать вся деревня, все ученики школы.

Поэтому — второе: не отрывать от берега. Не отчуждать от деревни, в основе школы — трудовое начало, изменение умонастроения, не «учись, если не хочешь быть свинопасом», но «человека роняет не труд, а умственное и нравственное невежество».

Однако этого мало. Нужна народная аудитория — аудитория, в которой каждый имеет возможность поставить свой вопрос. «Нельзя теперь, после горького опыта, не ознаться, что...» — последняя строчка оборванного отчета.

Продолжения нет, а значит, мы никогда не узнаем, что он, инспектор Гепнер, предлагал. Он, заявивший в первых строках, что у него есть конкретные предложения, целая программа: что делать теперь же, чтобы не допустить в будущем «вывихнутых людей». Так он называл этих несчастных, тех, что между берегами.

А нам что делать?

«...Начата реформа средней школы, упразднены тупиковые ветви... Созван учительский съезд по новым программам преподавания...»

Они тоже разрабатывали программы для школы настоящего и будущего (отведенного им историей). В то же самое время, что и в Наркомпросе. В те же самые дни, может быть, даже часы (стенограммы позволяют соотнести и установить это точно). Можно вообразить себе, как на огромном пространстве, почти через всю Россию, охваченную огнем, тревогою, неустройством, то в такт, то не в такт бился

маятник — влево, вправо, на север, на юг — как два учительских сердца. Вернее, половинки одного.

Из стенограммы заседания программной комиссии Министерства народного просвещения правительства юга России (октябрь 1920 года — за считанные дни до падения Перекопа):

— Комиссии следует встать на более практическую почву. Финансовое положение затруднительно!

— Экономить на народном просвещении? Мы проиграли войну и довели до развала Россию из-за экономии...

Фамилии спорщиков, написанные от руки, неразборчивы. Да и не в них дело. Не они — так другие: дело в самой сути спора...

Что они обсуждают, о чем спорят? Да о чем всегда спорят педагоги: сколько часов на математику, а сколько — на русский? Что увеличить, а что уменьшить? За счет чего? Что положить в основу? Один говорит: всестороннее гармоническое развитие личности, а другой перебивает: опомнитесь, какое гармоническое?

— Школа должна соответствовать переживаемому моменту жизни, а такой момент сейчас: в человеке проснулся зверь...

— Я согласен с Петром Владимировичем, переживаемое нами ужасно. Совершаются тягчайшие преступления, кровь человеческая льется рекой. Русское общество гибнет, ибо оно потеряло свои идеалы. Мы потеряли все. Для того, чтобы спасти общество, сохранить последние остатки культуры, необходимо религиозное воспитание, оно одно может...

— Увеличить число уроков на Закон Божий? Он был и до переворота.

— Уроки истории, лучшим средством служат уроки истории!

— «О, разрешите мне жизни загадку! Кто он, откуда, куда он идет, кто там вверху, над звездами живёт?» Господа, на этот вопрос могут дать ответ только философия и религия, а не наука.

— Но если среди народа сейчас не все звери, если народ еще сохраняет моральную силу, то в этом заслуга...

Далее — неразборчиво: кажется, уже слышится артобстрел, приближается грохот канонады...

И — последнее, как слабый всхлип:

— Не являются ли труды нашей комиссии лишней кипой бумаг, которые будут сложены в пыли архивов, где уже много лежит трудов разных комиссий?..

«Не уходите!»

Всероссийская учительская забастовка окончилась к летним каникулам 1918 года. Но фактически уже в марте, с началом наступления германской армии, когда нависла опасность, русские учителя вернулись к детям, заключили свой «Брестский мир». Они так и говорили: «наш Брест». Как забастовка угасала, можно проследить по педагогическим газетам того времени, большевистским и независимым, от номера к номеру постепенно изменявшим тон, выдвигавшим все более мягкие требования, а потом не требовавшим ничего (с августа уже печатаются декреты и хроника Наркомпроса).

Можно восстановить буквально по неделям, дням, как они отступали, как расслаивалось учительство России на «революционных», «сочувствующих»,

«протестующих»... Их просто-напросто обманули. Предложили сотрудничество, а когда они протянули руки — вывернули за спину и шелкнули наручниками. «Разжигали национальную рознь?» «Участвовали в мятежах?» Большинство пунктов предъявленного им обвинения было смехотворно. Но последствия разгона Всероссийского учительского союза (ВУС) оказались серьезными. На многие годы было уничтожено (и когда еще восстановится — неизвестно) общественно-педагогическое движение России. Свободный союз профессионалов. Не распределяющий путевки, — но защищающий «каждого маленького учителя». Вырабатывающий политику народного образования. И не зависящий от аппарата власти. Такой учительский союз мог быть в России...

Если бы весной 1918 года учительство капитулировало, убедившись в правоте противника, все было бы понятно.

«Но, показав так ярко свое бессилие перед большевиками, учительство вместе с тем продемонстрировало свое бессилие вообще, бессилие — как свою духовную сущность: уступив сегодня большевикам, оно так же легко и вяло может уступить завтра кому угодно», — так писала последняя не задушенная коммунистической цензурой газета...

А если это так, встает другой вопрос: а пригодны ли учителя, интеллигенция вообще к борьбе, которую России предстоит вести не с большевиками или меньшевиками, а с теми злосчастными судьбами, которые на нее обрушились?.. Испытав разочарование, поражение, они пытались честно ответить на вопрос: в чем слабость русского учительства? И отвечали: в дряблости всей русской интеллигенции. Во все подавляющем эгоизме, когда единицы, десятки, может быть, сотни работают самоотверженно, напрягая все душевные силы, но тысячи, десятки тысяч хладнокровно смотрят на эту работу, не желая лезть на рожон. Именно из этой гущи лепятся фигуры, готовые служить любой власти, любому террору. И это та гуща, которая выдавливает из своих рядов коллегу — «лишь бы мне уцелеть».

Да, это правда, правда... Но не вся правда, спорила сама с собою интеллигенция, и разве не российское учительство несло светильники истины, красоты, добра, разве не служило народу, не просветляло его на историческом пути? Вся история народной школы говорит об этом!

Но светильники гаснут, тут же и отвечали они сами себе. Тьма нависает над страной. Кошмары давят. Голод гонит учителей из деревни. А что деревня, что ваш народ? Недоверчивый, озлобленный, разрушающий очаги духовной культуры, свои немногие библиотеки и школы? Называющий нас буржуями? Вас, народные учителя...

— Это не народ, он сбит с толку невежественными пропагандистами, демагогами. Он не ведает, что творит.

— Но кто же эти «невежественные пропагандисты»? Это же мы с вами! Разве не мы, народные учителя, «народники», более полувека проповедовали революционные идеи? Еще в «школах грамоты» 60-х. Да, мы во имя служения народу шли в деревню. Но ведь и мы — под видом рабочих, ремесленников, торговцев, под видом учителей — проникали в народную среду и расшатывали ее своими мыслями и словами!

Именно мы стали главными агентами партии. А девятьсот пятый год?

— Реакция обрушилась на учительские организации более чем на какие-либо другие. Две с половиной тысячи учителей были сосланы, десять тысяч лишились своих мест. Среди народных учителей были убитые и казненные...

— Но мы при этом ничего не поняли! Ничему не научились! Мы продолжали готовить революцию! Раздувать зlobу, ненависть!

— Но ненависть шла от несправедливости. От нужды, холода, сырых келий. Плетей, зверства. Разве народные учителя виноваты в этом?..

Никак не могли понять, в чем их вина. Проще всего обстояло с большевиками. А с народом? Может быть, думали учителя, мы никогда не понимали этого народа? Выдумали его?

Ответить на это они не могли. И тогда по-другому вставал вопрос. Не почему, а «за что?» — спрашивали себя те, кто молился перед расстрелом, и те, кто расстреливал. Воевали и убеждались, что это не война.

Еще тогда, в 1918 году, в Советской России последняя независимая газета обращалась к учителям: «Светильники гаснут, не уходите! Будьте вместе с народом, сколько бы ни кричали темные силы “распни его” — не уходите!»

Лекция по Бердяеву

Эвакуация Крыма началась 28 октября 1920 года. Красная Армия внезапно перебралась через Сиваш, в тыл, казавшихся неприступными, перекопских позиций. Началась паника. Пароходы отплывали из Севастополя, а туда еще надо было добраться. Учителя, профессора, работники министерства с кульками, семьями, смешиваясь с толпой, набивались в вагоны разного класса, от голубых до желтых. Пропускали бронепоезда с фронта. Томились, глядя на ярко освещенный электричеством пролетающий мимо поезд генерала Кутепова. Наконец тронулся и этот поезд, едва таща тяжелые колеса...

Может быть, они ехали в нем последнем? За ним, вспоминали очевидцы, шли саперы, взрывавшие пути. Поезд застрял, и все начали пихать вагоны: «Навались, ра-аз, поддай, ра-аз!» Поезд тихо двигался в гору.

Какая стояла тогда погода? По одному из воспоминаний, после 15 градусов мороза в этот день светило яркое южное солнце (чудесная погода для осеннего школьного сочинения) и грело тех, кто сидел на крышах и тормозах. Солдаты, с которыми ехали учителя, веселились, балагурили, радовались, как дети, туннелям, распластываясь на крышах, чтобы не оторвало голову.

А где они ночевали в Севастополе, перед отплытием?

А как добывали паспорта и пропуска на пароходы?

Бежали мимо какие-то оборванцы, держа наперевес винтовки. Кричали, плакали дети. Графская пристань. Уходящие пароходы...

Так, примерно, описывает прощание с Россией один из эмигрантов — князь В.А.Оболенский. Он являлся общественным деятелем, а значит, занимался народным образованием. Все они так или иначе были причастны к народному образованию. Все — народные учителя и народные ученики...

Так почему? Вернее, за что? За какую несправедливость, за какое такое преступление пришло к ним ко всем — к тем, кто погиб, кто умер, кто уехал и кто остался, — ко всей России на многие годы это страшное необъяснимое наказание?..

Трескучей голодной зимой 1920 года в Москве, в Вольной академии духовной культуры тогда еще молодой Николай Бердяев попробовал ответить на вопрос по-своему: «Смысл революции, — говорил он той зимой в своих лекциях студентам, — есть внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о Страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории... обличение неудачи истории».

Студенты, вышибленные из университета «по классовому признаку», а может, и не поступившие туда, куда широко были открыты всем двери, ежились и жались к «буржуйке», трещавшей поленьями, стоившими в несколько миллионов.

«В нашем злом мире, — тихо говорил преподаватель, — оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят и процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции... Суд Смысла над бессмыслицей, действие Промысла во тьме».

Это не научное объяснение. Религиозное, историософическое. Лично для меня тут главное — отсутствие в обществе, в людях положительных, творческих, возрождающих сил.

Последний «школьный пароход» уплыл в 1922 году. Правда, чуть позже был еще «философский пароход». Дальше уходили в одиночку. Не потому, что не пускали. Просто уходить оставалось некому...

В потоке истории

(Эдуард Днепров)

«Люди обычно не отдают себе отчета или мало задумываются о том, что их действия исторические, — писал Э.Д.Днепров. — Это, впрочем, совсем не главное. Главное — действовать. И хоть изредка, но осознавать себя в потоке Истории».

Историку это чувство особенно знакомо. Вот ты приходишь в архив, раскрываешь папку с пожелтевшими документами, воспоминаниями: приглашение на концерт 1915г., детское фото, письмо с театра военных действий, газеты того времени, заметка о назначении нового министра народного образования, жаркий спор о реформе — и тебя охватывает это странное чувство, как будто они все живые, и чем дальше, тем явственнее ты начинаешь различать лица, слышать голоса и ощущать такой мощный напор некогда существовавшей жизни, испытывать поток истории...

«История — это не отстранение от современности, “вещь в себе”... Она каждодневно пронизывает, держит под своим током современность, которая так же каждодневно, переворачивая страницу своего календаря, становится частью истории. В истории лежат как корни кардинальных современных проблем, так и многие ключи к их решению».

Автор этой цитаты Э.Д.Днепров в качестве историка полжизни провел в архивах Ленинграда-Петербурга. История была его любимым профессиональным делом, причем русская история. А это довольно тяжелая, капризная дама. Недавно вычитал у одного из глубоких современных философов — Михаила Эпштейна — мысль о том, что история России похожа на шарнир, на который нанизываются, сменяя друг друга, совершенно разные общественные устройства, она как бы пробует примерить на себя разные модели и легко переходит от революции к террористическому государству, от коммунизма к капитализму, от капитализма к фашизму... Доходит до края пропасти, отшатывается и идет в другую сторону — опять до края...

И история российского образования не исключение.

Днепров знал и сам писал о бесконечной череде коротких, всегда коротких образовательных реформ и о тягуче длинных, захватывающих, кажется, всю историю

контр- и псевдореформах, череде с завидным упорством сменяющих друг друга министров-новаторов и реакционеров, консерваторов.

Но тогда (думаю я) сколько же нужно иметь не только человеческого мужества, но и глубокого исторического сознания, обладать каким-то другим взглядом на всю эту странную картинку, чтобы, несмотря ни на что, решиться — еще раз — попробовать!

«То, что Россия долгое время “беременна” реваншем, — говорит Днепров, — отнюдь не “закон маятника”, не историческая закономерность реформ. Это прямой результат стратегического и нравственного просчета “реформаторов всех созывов”. Оторванности, отчужденности от страны власти. И ответного презрения населения... История не знает альтернатив, — продолжает он. — Но альтернативы знает политика, делающая историю».

Часто удивляются тому, как и почему историк педагогики Эдуард Днепров стал министром, политиком. Сам он прекрасно отдавал себе отчет — почему. «Эти две профессии, два рода занятий, — писал он, — схожи более, чем все другие. Они имеют одну природу. Цель первой — познание закономерностей исторического развития. Цель второй — выбор оптимальной системы действий в рамках этих закономерностей... Политика — это сотворение современной и будущей истории».

Первая диссертация Днепров была посвящена общественно-педагогическому движению поры Великих реформ: после отмены крепостного права, в период «оттепели» XIX в. Позднее Днепров напишет, что это была самая успешная реформа образования в истории России. И самая длительная по своим последствиям — хотя была, как всегда, короткой. Проводивший ее министр народного просвещения статс-секретарь А.В.Головнин единственный из членов правительства не носил министерского фрака, понимая, что это ненадолго. Но кое-что за отведенные ему 52 месяца (как сам высчитал) успел.

Причину успеха Головнина Днепров видел в активной поддержке общества, всех его социальных слоев. Днепров и в своей реформе («четвертой», как он ее назвал) опирался, во всяком случае, на первых порах, на поддержку учителей, родителей, ученых, управленцев, журналистов, деятелей культуры, регионов России, инновационного движения.

То, что Днепров больше всего волновало в науке истории, он использовал, когда стал руководителем ВНИКа «Школа» (очень похожего на тот коллектив, которым руководил будущий министр Головнин накануне великих реформ, в конце 1850-х годов, работая в морском ведомстве. Удивительный, кстати, резонанс: А.В.Головнин — сын знаменитого мореплавателя и вице-адмирала; Э.Д.Днепров — сын морского офицера, выпускник Нахимовского училища, бывший штурман эскадренного миноносца). Днепров проецировал исторические закономерности в стратегию ВНИКа и тогда, когда стал политиком, министром, реформатором образования.

Когда-то (еще в книжке, отпечатанной ротاپринтом) Днепров впервые обратился не к разрозненным звеньям, а к системе народного образования в ее динамике и противоречиях; он писал о сравнительных историко-педагогических исследованиях, когда об этом мало кто говорил, о России в мировом историко-педагогическом процессе, анализировал феномен общественно-педагогического движения (он называл его «просветительным»).

В его трудах соединялись фундаментальность и новаторство, и в тех ранних, и в позднейших, когда он снова с головой погрузился в историю образования после политической, реформаторской деятельности. Он открыл новые страницы истории

образовательных реформ и контрреформ, российских и советской, сталинской, смысл которых передал емким определением Герцена: «душевредительство правительственного воспитания», «настойчивое стремление сломить отроческую душу».

Вытравить все человеческое, чтобы сделать верноподданных по образу и подобию своему. Вывести «новый тип интеллигенции» — нет, людей не безвольных, напротив, как говорили в николаевские времена, деятельных, особым образом «дисциплинированных», благонадежных, крепких охранительными убеждениями.

Новый тип народа охранители создавать не пытались, напротив, их всецело устраивал «старый тип». Не правда ли, исторические размышления Днепров о «новых людях», «старом народе» актуальны и сегодня?

Хотел написать о нем как о министре и историке, без мемуарной лирики. Но мы долгое время были коллегами, товарищами; трудно отделить одно от другого.

Он был очень обаятельным человеком. В нем чувствовалась «белая кость», как именуют в армии флотских офицеров. Он красиво жил, красиво дарил цветы женщинам. Ученым червем, повторю, никогда не был, хотя всю жизнь вкалывал как мало кто.

Жизнь складывалась по-разному, одно время ему приходилось часто переезжать с квартиры на квартиру. И «вниковцы» помогали перетаскивать единственное в то время его достояние — огромный, с дореволюционных времен стол с зеленым сукном, на котором Днепров писал свои исторические сочинения и проекты будущего.

...Когда я работал в архивах, исследуя разных министров, то на карточках личных дел все время наткался на имя научного сотрудника Э.Днепров, который изучал их раньше меня. «Может быть, — посмеивались позднее между собой соратники, — он уже тогда думал стать министром?»

Как историк и политик он глубже многих понимал причины и просчеты. В своих позднейших трудах он вывел уроки школьных реформ, и от нас зависит, выучим ли мы их или, как всегда, пропустим мимо ушей. Про общественную поддержку и инициативу, про внутреннее многообразие, про саморазвитие...

«Четвертую реформу» Днепров привязал к созданному тогда новому Закону об образовании и датировал 1992 годом. Политически это, наверное, оправданно, хотя педагогическая реформа началась раньше, с середины 80-х, с уникальной «школьной перестройки снизу», — и тогда рядом с Днепровым надо было бы поставить имена В.Ф.Матвеева и С.Л.Соловейчика, и, конечно, манифест учителей-новаторов «Педагогика сотрудничества», и свежий ветер перемен, возникших с приходом «старого нового человека», последнего министра образования СССР Г.А.Ягодина (без него — и его коллег — не было бы и ВНИКа «Школа»).

С того времени минуло более четверти века. Да, мы опять вляпались в историю. Но все же... Не кажется ли вам, что все сколько-нибудь разумное и свободное в образовании пришло оттуда, из поры надежд?

Когда-то мой коллега, в прошлом сотрудник днепровского ВНИКа (а потом сам министр) экономист Евгений Сабуров сказал мне: «Знаешь, мы тут писали национальный доклад, анализировали, вышло, что отдача от образования в десять раз больше, чем затраты на него. Это же ошеломляющий факт! Такого же у нас никогда не было!»

Если это так, то перед нами социально-экономические последствия образовательной реформы конца 80-х — начала 90-х годов, результат открывшейся когда-то свободы, реализации новых концепций и подходов к образованию и школе, отозвавшихся спустя десятилетия подвижкой в общественных ценностях, которые отразили значимость образованного человека. Это необыкновенно важный вывод! Пускай мы

по показателям экономики и политики съехали бог знает куда, но в образовании человека в обществе подвижки есть. И в этом немалая заслуга Эдуарда Днепрова.

Под занавес еще две его цитаты — одна общечеловеческая, на все времена, идущая от Пирогова, Ушинского и Толстого — его любимых персоналий, идеи которых он считал основанием реформ. «Основная гуманистическая идея, — писал Днепров о самой, на его взгляд, фундаментальной реформе образования, — идея развития человека, очеловечивания образования... пробуждение и формирование личности ребенка».

А вторая цитата — для утешения сегодняшних нас с вами, для долготерпения, потому что история — это вообще длинное дело, иногда и потерпеть нужно, не покладая рук, конечно.

Вот эта цитата Эдуарда Дмитриевича:

«Известно, что человек, как тростник, может выдержать сильные бури. Да и в обществе, как бы ни пытались его заблокировать, всегда остается воздух и, пусть в малой дозе и в "малых группах", самосознание, а значит, — протест. Сопротивление. В разных его формах... Человек, общество, наука, культура, образование даже при этом режиме... вырабатывают и реализуют "тактику выживания"... которая со временем может стать и становится тактикой выживания (но уже в другом смысле), изживания режима, избавления от него».

Как бы там ни было, а любое время, наша драгоценная жизнь — только миг.

Важно не сломиться, думаю я вслед за Эдуардом Дмитриевичем Днепровым, осознать себя в потоке Истории...

* * *

Спустя 20 лет был снят фильм в память ВНИКа. Его участники отвечали на простые вопросы: «Что, вы считаете, получилось из тех замыслов, той истории, а что нет?»

Один из участников сказал: «Что не получилось?.. Страна, к сожалению, не получилась».

Изумление, шепот, шорох прошел по залу. Аплодисменты.

Но чему мы аплодируем? Восьмидесятым, когда не было ни путча, ни термидора и дул свежий ветер, и поток истории поднимал нас, казалось, в светлые дали? Или тому, что произошло после? Сегодняшнему? Легче всего искать причину происходящего в не зависящих от тебя «объективных» законах, обстоятельствах, в ком-то.

Ту или иную историю делаем мы сами.

«Пока свободой горим...»

(Александр Тубельский)

С Александром Наумовичем, Сашей, я познакомился в 1980-е, в начале перестройки, а до этого видел его однажды на каком-то заседании в Академии педнаук — красивого, молодого, с седой копной волос. Он обращал на себя внимание уже интонацией голоса — так сильно отличалась его интонация от академической тягомотины. Я подумал: надо же...

А чуть позже мы познакомились. Дело было так: «Учительская газета» опубликовала мою статью о педагоге, как тогда говорили, новаторе — Михаиле Щетинине, вызвав бурные обсуждения, шквал голосов «за» и «против». По моей небрежности в текст

вкрались фактические неточности, что дало основание противникам опыта накатать телегу в партийные инстанции. Героев очерка стали вызывать на ковер и требовать отказаться от сообщенных фактов. Редактор знаменитой «Учительской...» Владимир Фёдорович Матвеев попросил меня съездить на место действия, на Украину, в село Зыбково, и расследовать сложившуюся ситуацию. Одному ехать в самое «логово», где автора статьи с нетерпением ожидали «оппоненты», я побаивался, и Матвеев в качестве группы поддержки командировал вместе со мной начинающего московского директора школы. В нем я узнал того самого необычного человека, выступавшего в академии. И мы с Тубельским (оказавшимся, кстати, товарищем Щетинина) съездили в школу, собрали материал и даже, помнится, провели «спецоперацию»: я пробрался на поезд, а Тубельский поехал в другую сторону, отвлекая на себя черные волги местной бюрократии.

Незаметно мы с Сашей подружились, оказались в одной компании, и в конце 80-х мне довелось писать уже о его школе: в разгар перестройки, когда Тубельский начал проводить свои демократические преобразования-инновации, школа раскололась: одна часть коллектива «за», другая — «против». Пошли письма, бурные собрания с участием учителей, учеников, родителей. Этим воспользовались противники эксперимента, который попытались закрыть; в общем, то, что происходило тогда в школе Тубельского, моделировало происходившее в обществе, на школьном пятачке разыгрывались широкие, далеко идущие процессы.

Материал, который напечатала та же «Учительская газета», назывался «Пока свободой горим»; в тексте статьи учителя обсуждали смысл пушкинской строки, разный в зависимости от поставленного ударения: одно дело, если ударение на слове «свобода», другое — на «пока» и совсем третье, если на «горим»...

В августе 91-го ученики Тубельского стояли у Белого дома. В той конкретной истории победила все же свобода. И, мне кажется, в случае с Тубельским надолго победила. Уже когда со свободой в стране опять стало туго, в школе Тубельского она продолжала существовать и жила все эти годы — и 80-е, и 90-е, и 2000-е, — сохранялся островок свободы и гуманизма в педагогике, центр духа и обновления, куда приходили, приезжали за знанием и поддержкой люди из разных частей педагогического света.

Постепенно имя Александра Наумовича, заведение, которое привычно называли школой Тубельского, поднималось и поднималось в общественном сознании, приобретая непререкаемый общественный авторитет, становясь камертоном, чистым звуком, с которым соотносилось происходящее в системе образования. Что бы там ни происходило, на душе было легче: знали, что школа Тубельского жива.

Александр Наумович и его взрослые и юные коллеги написали немало книг, и блестящие педагогические идеи и технологии школы проработаны и описаны в деталях (поэтому я не соглашусь с теми, кто считает педагогику Тубельского так называемой атмосферной, в отличие от технологической, — дух Саши и его школы в такой же мере растворен в технологии, в какой созданные в этой школе новаторские педагогические средства растворены в ее духе). Имея эти книги, зная его коллег, учеников, последователей по всей стране и в других странах мира, рассказывать здесь о деталях школы нет смысла.

Но одно педагогическое кредо Тубельского впечаталось в мою память.

Как-то мы говорили о знаменитом педагоге, нашем товарище, и Саша сказал: «Да, конечно, он гений, но, понимаешь, я много думал и понял, в чем у нас расхождение: он считает, что педагог имеет право быть «гуру», а я думаю, — что нет...»

Обладая огромным личным влиянием и педагогическим авторитетом, Саша

никогда не позволял себе играть роль высшего учителя, «гуру», пытаться формировать ребенка по своим лекалам, — на это, считал Тубельский, у него нет права, это дело самого ученика, самоопределяющейся личности. Поэтому школа и называлась не как-нибудь, а «школой самоопределения». Или по-другому: каждый человек, говорил и реализовывал на практике Александр Наумович, является на свет со своим предназначением, смутным образом самого себя, и задача образования — создать условия, при которых ребенок, ученик сможет проявить в себе этот предназначенный образ, свое призвание.

Если говорить о самом Тубельском, то он, по-моему, проявил свое человеческое призвание абсолютно ясно и точно. Он, собственно, всю жизнь этим и занимался. Когда-то скоропостижно ушел из жизни замечательный педагог, наш общий товарищ, и я, как и многие, находясь под впечатлением утраты, вдруг стал допытываться у Саши — что он думает о неизбежном.

«Знаешь, — ответил он, — мне это вообще неинтересно. Мне интересно то, что происходит сейчас, — жизнь, творчество...»

Он был очень красивый человек. Красиво одевался, жил. Незадолго до случившегося звонил мне и приглашал — были на лето такие планы — съездить на корабле в красивую страну: так будет хорошо, говорил, утром встаешь — тихо, никого нет, кораблик идет, а ты рассматриваешь берега...

Светлая жизнь. Это большая редкость — такой красивый и совершенно светлый человек, без пятнышка.

И если там, у врат, распределяют, куда кому, пусть примут во внимание, что Саша Тубельский свой путь дальнейший земной жизнью сам определил.

Мой друг Куркин

Последнее время мы часто общались — по телефону. Не только из-за пандемии. Просто пришло такое время — дистантное. Ну, хотя бы не по имейлу, не эсэмэсками. Когда слышишь человеческий голос, — это совсем другое, чем короткие письма-записки с отсрочкой ответа получателя.

А тут как бы не прерывается.

Вот прервалось.

Мы познакомились в перестройку. Но до этого я прочитал в журнале «Знамя» статью некоего человека из украинского города Харцизск — молодого заведующего горно, который отважился собственными руками вытащить из-под себя кресло. Замахнулся на систему и сказал вслух, попробовал опрокинуть эту многоярусную пустотелую — внутри же ничего нет — «пирамиду Хеопса», как назвал он систему государственного управления. Всю эту псевдопедагогическую вертикаль от района до самого верха.

Статья, с глубокой аналитикой, в литературном отношении была блестящей — знаменитый Симон Соловейчик назвал ее вершиной педагогической публицистики. Сравнил, кажется, с «Педагогической поэмой» Макаренко. А я, когда читал, видел Шацкого и моего учителя Костяшкина. В отличие от мертвого школоведения у Куркина школьная организация оживала, в ней двигались дети, мальчики и девочки разного возраста и интересов, родители, учителя, управленцы... И это было совершенно другое управление.

Я думаю, Куркин уже тогда был в ряду классиков, занимал в нем особенное, редчайшее, незаменимое место. Помнится, в газете я назвал его «чиновником-новатором» (он смеялся).

Эксперименты в управлении система не прощает. Куркина с треском сняли.

Какое-то время он работал директором школы, переехав с семьей под Тулу. А потом, уже в самый разгар перестройки, заявил на страницах «Учительской газеты»: «Прошу разрешить эксперимент».

Время было такое, сумасшедшее. Раздался звонок секретаря горкома партии сибирского города: «Евгений Борисович, приезжайте». И он переехал и начал эксперимент в городе Урай, в Тюменской области. Получил зеленый свет, официальное разрешение и поддержку председателя Совета министров Н.И.Рыжкова (пробрался к нему в кабинет и убедил).

Так Куркин стал генеральным директором того, чему аналогов в истории, кажется, до него не было. Уходившая в небеса командная вертикаль легла на землю и была трансформирована в самоуправляющуюся горизонталь НППО — научно-производственно-педагогического объединения, модели «города-воспитателя». В Урае в него вошли школы — обычные и спортивно-музыкально-художественные, профучилище, завод местной промышленности, магазин... Дети пробовали, переходили из одной сферы деятельности в другую, а учителя и наставники помогли найти себя. Никаких вертикальных органов и посредников не было, объединение имело прямой выход на республику, а управлял всем Совет представителей входивших в объединение организаций, включая школьников-старшеклассников.

Мечта сбывалась. Бюрократия, казалось, умирала. Возник невиданный всплеск внешкольного, дополнительного образования, становящегося основным. Вся картинка менялась.

Тогда я с Женей Куркиным и познакомился. Он приезжал из Урая в Москву в командировку и раз ночевал у меня в однокомнатной квартире.

Мы оказались с ним в одном ВНИКе — временном научно-исследовательском коллективе «Школа», в котором собрались тогда сливки образовательного общества (я уже писал о нем). Потом вместе с друзьями пошли в Министерство образования. Куркина уговорили временно передать начатый эксперимент другим и стать замом министра.

Какое широкое поле открывалось нам! И как мы бездарно его профукали... Как все в стране, песня была недолгой.

Куркина уволили. Система управления, на которую он покушался, не прощала — у нее была длинная память. Хотя при чем тут система, думаю я, у нее же конкретные имена — друзья поссорились.

Куркин сделал невиданный шаг — подал в суд на Министерство просвещения. Судился четыре года и выиграл дело.

Возвратился уже при другом министре. Куркина были вынуждены принять — дали кабинет. Куркин сидел в нем и не знал, что делать, — ему не определили функционал. Система — все-таки система, а кто же еще? — думала, как отделаться от упрямого чужака.

Думала, думала и придумала: министерство реорганизовали (поменяли вывеску), и в новом штатном расписании Куркина не оказалось.

«Побереги себя», — говорили друзья (удивительно, в том же ведомстве, теми же словами, что в XIX в. «белой вороне» — реформатору А.В.Головнину). Куркин не стал дальше играть в этом спектакле. Ушел. Но и потом делал дело. Был главным редактором издательства «Педагогика-Пресс» и за несколько лет успел выпустить уникальные, зачитанные теперь до дыр «Энциклопедии для юношества». Замечательные

книги (среди них и наш скромный труд в зеленой обложке, с изображением мундира чиновника и пером вместо головы).

Издан впервые переведенную на русский старинную книгу «Самообучение. Мой метод», благодаря чему 100 лет спустя началось возрождение педагогики Монтессори в России с помощью Елены Хилтунен и Евгения Борисовича Куркина.

Потом он вернулся в школу, вел проекты, разрабатывал и проверял на практике модели начальной, подростковой, старшей школы, не похожей на сегодняшнюю (она из будущего). Защитился, стал научным сотрудником, сам написал немало книг. И в книгах тоже выступал непохожим автором, новатором.

Прочтите их, пожалуйста, может быть, вы откроете новое имя в педагогике. Старое-новое. Мы так редко читаем и интересуемся друг другом и часто не отдаем себе отчета, кто находится среди нас, с нами рядом. Не осознаем масштаб и глубину личности. Оставленные им деяния.

По образованию он был историком и многое видел по-другому, из исторической дали. Был оптимистом и делал усилия, прерванные самым могучим, всесильным бюрократом на свете, который неумолим и дожидается своего часа.

Пробил он и для Жени Куркина. Я бы хотел, чтобы мы его не забыли.

«Стереть, истребить невозможно...»

(*Михаил Щетинин*)

Я всегда чувствовал его присутствие. Даже когда забывал о его существовании. Он вроде звезды в темном небе, со своими детьми, школой, всем своим миром, нес нам какое-то важное послание. И когда о нем долго молчали или он сам молчал — в последние годы о его школе не вышло ни одной публикации, и, по-моему, он это делал намеренно, — это совершенно ничего не означало, все равно я знал, что он есть, школа есть, явление существует, — и этого достаточно.

Мне нелегко рассказывать о нем как о человеке.

Благодаря ему я впервые осознал, что существует другая школа и педагогика. А он говорил, что я спас его, подразумевая «Эксперимент в селе Зыбково» — статью в «Учительской...» в раннюю перестройку. Это была шумная публикация. Он стал необыкновенно известен. Его показывали крупным планом в Останкино. Хотя все это не спасло эксперимента. В советское время было такое полусхотливое предостережение писателя Симона Соловейчика: хочешь погубить новатора — напиши о нем.

Щетинин был среди учителей, выступивших с манифестом «педагогика сотрудничества», с которого началась «школьная перестройка снизу». На сохранившейся групповой фотографии 1987 г. Щетинин в первом ряду, четвертый слева, между Шалвой Амонашвили, с которым сдружился после этого на всю жизнь, и легендарным редактором Матвеевым.

Щетинин на снимке со всеми вместе, но как-то особняком. В другую эпоху он говорил мне, что никогда не чувствовал себя демократом. Но было заметно — пробуждался всякий раз, когда начинали душить школу.

Мы нечасто встречались, но встречи не были случайными. Он считал, что таких не бывает. Иногда после долгих лет молчания вдруг звонил, ничего не объясняя, я понимал: что-то стряслось.

Иногда сам звонил ему: «Миша, а можно...» «Можно». — «Но ты же не знаешь что». — «Тебе все можно». И я брал в охапку переставшее учиться «дитя», которому никто на свете не смог бы помочь, и тащил в Текос — через полтора месяца оно молча

возвращалось и бешено начинало учиться. Мне было неважно, как это у него получилось.

В Текосе у детей были особенные лица, светлые, светящиеся, взрослые какие-то.

Я знал выпускников его школ. Нет, не гении. Обычные люди. Успешные. Как правило, предприниматели, имевшие свое дело. Мобильные. Ответственные.

Разговаривая с ними, я вспоминал: короткие контрастные уроки, смена деятельности, движение в своем темпе. Способность напрячься и решить неподъемную задачу. Есть ли связь?

* * *

Окрестные станицы были сплошь забиты родителями с детьми. Почему их везли сюда? Причины разные. Кто-то — спасти ребенка (у каждого своя история, как жизнь калечила). Но залечивались раны, распрямлялись плечи, становилась другой походка — не только из-за хореографии, хорового пения и занятий по самообороне. Не хочу влезать в подробности, я не о его педагогической системе рассказываю — о нем.

Хотя трудно оторвать одно от другого.

Он совсем не изменился со временем, такой же прямой, стремительный. Только голова белая и усы казацкие. Я говорил ему: «Миша, ты что-то среднее между Эйнштейном и Сковородой». Смеялся.

Будущее (как теперь мы начинаем понимать, он создавал школу будущего) было не из бронзы, скорее — из детского пластилина. Из него возникало то и другое — ни одна из его школ, а их было немало, не была копией других. Он все время менял форму, отбрасывая то, что ему, казалось, мешает, создавал новое.

Это была отважная экспериментальная педагогика. Но не в том смысле, в каком говорят «нельзя экспериментировать на детях» (а сами постоянно «экспериментируют» над детьми и страной). Щетинин, что бы ни делал, оберегал, защищал ребенка. Дети смотрели на него как на бога.

* * *

Со временем мне начинало казаться, что он выходит за рамки педагогики. Вокруг крутились жириновцы, коммунисты, национал-патриоты. Мог приехать бывший премьер-министр, спикер. Командующий бронетанковых войск с женой и дочкой в шортах (дети шепотом обсуждали — у них девушкам так ходить было не принято). Раз я слышал, как он разговаривает по телефону, обсуждая с атаманом кандидатуру в казачьей иерархии. На той стороне провода ловили каждое его слово.

В 90-е на стене в его кабинете в школе висела нагайка. Я напрягся. «Вообще-то, Толя, — успокоил он меня, — я нагайку на стенку вешаю, когда казаки должны зайти. А так она в письменном столе у меня лежит».

Иногда такое отчебучивал, волосы на голове вставали дыбом. Говорил детям о близящейся войне, передавал задачу командования разработать модель нового танка вместо заглохшего на параде на Красной площади. Мальчишки с прямыми спинами не дыша сидели на краешках стульев. Я думал: докатился!

Но это не было игрой в войнушку — просто он проигрывал очередную версию будущего — ту, которую и представить себе было немислимо до Украины, Грузии, Сирии... На пяточке школы он проигрывал самые непредсказуемые варианты будущего страны, с которым могли столкнуться дети. Но они готовились не исполнять приказы укрывшихся в безопасном месте генералов, а прислушиваться к собственной совести.

На небольшой школьной площади развевались флаги страны, края и Военно-морского флота. Учебные корпуса, строения, которые возвели дети, имели названия «Омега», «Ольха», «Сура», «Степной», «Святогор»... «Сейчас все больше, — заметила об одном из них бывшая выпускница, — почему-то "Родина" называется».

* * *

Сколько его знаю, у него постоянно происходили столкновения с властью, не отвлеченной, а с конкретными людьми у ее кормила, «этими сущностями», как выразился недавно единомышленник Щетинина.

В 70-е годы в Ясных Звездах Щетинин создал первую в стране школу-комплекс, она получила звание лауреата премии Ленинского комсомола (в те времена считалось высокой наградой). Наверху ликовали. «Меня позвали на обкомовскую дачу, в баню, — рассказывал он. — Там я увидел настоящий публичный дом. Мне намекнули: Михаил Петрович, вам оказали большую честь, скажите тост. Ну, я им сказал... И в ту минуту мои "ясные звезды" кончились».

В 80-е в украинском Зыбково проводил уникальный эксперимент — убрал классно-урочную систему и домашние задания, ввел метод погружения, взаимное обучение детьми друг друга, давшее неслыханные результаты.

Класс гудел, как пчелиный рой...

Из школьного многопрофильного агропрома «Надежда» выросла молодежная бригада. Шутя, ребята называли ее «Окно в Европу». Их в одиночку рассеяли по пьяни. Урожай затоптали.

Щетинин не хотел верить в злонамеренность. Но не мог забыть, как председатель колхоза, снисходительно улыбаясь, поучал: «Михаил Петрович, нам гармоничные личности не нужны. Нам бы дураков».

Подумаешь, председатель колхоза...

До заседания Политбюро дело дошло.

* * *

В Текосе Щетинин укоренился. «Мне кажется, — говорил он мне, — в педагогике пришло время припадания к корням. Это так всегда, когда бушует стихия: хочется найти опору в глубинном, что стереть, истребить невозможно. Мы раньше говорили: неважно, какая у человека национальность. Нет, важно! Береза растет иначе, чем эвкалипт. Если из прекрасной березы пытаются вырастить огурец, она все равно будет березой, только искалеченной».

Еще один из сценариев будущего — национальная школа.

«Не будет национальной школы, — говорил он, — будет националистическая».

В основе всего — род. Ты не сам по себе, а представитель своего рода, людей, которые выстроились друг за другом позади тебя и впереди. Надо продолжить род, надо оставить наследие, свеча чтобы не погасла. «Алексей Михайлович, сколько тебе лет?» — «Двенадцать» — «Нет, тебе вечность...»

Собирались дети не только из разных концов России. Из Приднестровья, Карабаха, Кривого Рога, Германии, с острова Мальта, из Сирии... Он это делал намеренно. Заговорить на языке другого народа. Затанцевать, запеть. Зарядиться энергетикой. Чтобы твои гены проснулись.

В конце 90-х годов ЮНЕСКО признало его школу одной из лучших педагогических систем в мире.

* * *

Одна из ее вольных интерпретаций: «Открытая закрытая школа». Открыта для ребенка, мироздания. «О чем ты детей спрашивал?» Я ходил с тетрадкой по территории, записывал. «А о чем можно детей спрашивать? Ни о чем. Посмотри, — сказал он, коснувшись листа на ветке. — Видишь, блестит, прожилки светятся. О чем ты его будешь спрашивать? Ответ раньше вопроса».

Школа, открытая людям, которые приходят с добром и любовью.
И закрытая — от недобрых.

* * *

Подлость. Из темноты, подворотни. Знали, что он тяжело болен, что слаб физически, не сможет противодействовать. Если бы был в силе, они бы не решились. Но он болел, и возглавлявшая эту банду налетчиков, ни разу в Текосе не бывавшая, но информированная, все время, говорят, повторяла: «Щетинин уже не тот», «Щетинин не тот...»

Это была подготовленная спецоперация. Комиссия из сотрудников Минпроса РФ и Министерства образования Краснодарского края, судебных приставов, вышибал, инспекторов по делам несовершеннолетних... предъявила обвинения.

Дети находятся в школе незаконно, учебные здания, которые они построили и подарили государству, не зарегистрированы и поэтому представляют опасность для жизни детей, школу нужно немедленно закрыть.

Я не могу выразить словами безжалостность, безрассудство, безумство, с которыми проверяющие, направляемые лично министром просвещения, насильственно выселяли детей. Как оскорбляли национальное достоинство. Стеснительный чеченский мальчик Рахим Баймерзаев рассказывал мне про одного из «группы захвата». «Мы сидели в доме, Паша Самохин почерк улучшал перед экзаменом. А он зашел и спросил: “Кто тут главный самец?”» Рахим ответил: «Я не самец. Я чеченец».

Стеснительный чеченский мальчик из Аки-Юрта, села на границе Ингушетии и Чечни. Щетинин с детьми строили мирный Кавказ. Эти, из подворотни, хотя и взорвать, что ли?

Я не могу выразить словами, как детей из разных концов России пугали сиротскими домами, если их немедленно не заберут родители, как давили на родителей по месту жительства люди, которым было дано указание во что бы то ни стало «прикрепить» детей к близлежащим школам, не дать вернуться в Текос, — подневольные школьные работники, социальные педагоги, налоговые служащие, сотрудники полиции, приставы звонили, давили, требовали, уговаривали.

Когда школа опустела, приезжие сели в автобус, но вернулись и рыскали в темноте, не остался ли кто. Так искали в степи, в горах случайно затерявшихся от конвоя при поголовной высылке. Это называлось «зачистка». Им надо было любой ценой «зачистить» школу от детей. Выслать отсюда. Вернуть в систему.

Это явление не описано в педагогике — депортация детства.

* * *

Такая тихая золотая осень выдалась нынче в Текосе в ноябре... Еще не облетевшая огненная, насквозь пронизанная светом листва. Красные, синие, зеленые крыши не похожих один на другой домов. Мостики, беседки, тропинки, укромные места, где вызревают мысль и чувство ребенка. И никого, пусто, нет детей.

На веранде одного из корпусов — оставленная детьми сменная обувь: аккуратно поставленные десятки пар сандалий и кроссовок. Будто в ожидании, что дети вернуться.

Щетинин сидит у русской печки, смотрит на огонь. Таким я его никогда не видел — постаревшим, вдруг враз переменившимся. Он уже в другом мире. Временами выпадает — уснул, кажется, — и вдруг снова выныривает его голос:

— ...Слово есть Бог. Поэтому все из слова. Человек — чело века. Совесть — весть семени.

Откуда он это взял? Раньше говорил — санскрит; потом — «из библиотеки звезд»...

— Ну, это я так сочинил, чтобы не приставали.

Звезды, со-весть, чело-века — вот о чем мы говорим на фоне спецоперации.

Я спрашиваю, что в его жизненном путешествии, в творении разных миров, школ оставалось неизменным. И это, оказывается, так немудрено, просто. «Ребенок, — отвечает он, — человек».

Ведь то же самое из века в век повторяют нам выдающиеся представители человечества, у которых мы ищем разгадки каких-то неразгаданных секретов, волшебные ключики, педагогические системы, забывая о главном, о чем они иногда обмолвятся: «Сердце отдаю детям», жизнь свою, идя с ними в топку. Глядя в жерло печи, Щетинин вспомнил о Корчаке.

— Человек, ребенок... — говорит он. — Я всегда смотрел в человека, как в бездну. Внимательно. И сам становился человеком.

Он говорит: «Я обратил внимание, что тот, в кого ты смотришь, наполняет тебя тем же: интересом к тебе, любовью... Человек — лучшее, что сотворил Бог, он сотрудник его». Он смотрел в ребенка, в человека, как в бездну — вселенскую, бесконечную. Но, если человек смотрит в бездну, другая бездна может заглянуть в него.

Вот она и заглянула в Текос.

* * *

«Все, кончилась эпоха», — сказал водитель, везший меня в Текос из заповедных мест, где находились щетининские ученики. Тридцать два несогласных строили со взрослыми проекты новых школ-поселений, о которых водитель Дмитрий Юрьевич сказал: «Если бы они размножились, десять лет — и страна стала бы немного другой».

А Щетинин умер. Разорвалась артерия.

«Кончилась эпоха с уходом Михаила Петровича, — повторил водитель. — И в этом ведь все участвовали — книжники и фарисеи, лицемеры, судьи и палачи, наблюдающие, смотрящие. Теперь будет видно, что станут делать. Каждый может сказать: я не виноват, не знал, я выполнял. Понтий Пилат чем кончил? — вдруг вспомнил он. — Сидел с собакой на лунной дорожке. И будет сидеть вечно...»

Миша был великий Мастер. И ушел как мастер. Его мир, школа, дети — роман. А что олицетворяет Маргариту? Может быть, любовь?

На похороны в Текосе собрались тысячи людей — так в истории, по-моему, не хоронили ни одного школьного учителя. Потом, как он и предполагал, — пена. Кто первый прокукарекает. С саблями наперевес. «Да кто он такой?» — «Великий русский педагог!» — «Да кто это вам сказал?» — «Секта! Секта!»

26 ноября снова нагрянула бесовская комиссия. А 29-го дети соскучились и приехали в школу. Флаги были приспущены. На площадке для занятий хореографией они вдруг начали танцевать, все дети, без музыки, молча. Это было такое потрясающее зрелище.

Над поселком шел дождь, сильный: на площади, там, где длинный магазин — везде. И только над школой как будто висел купол — дождя не было.

«Алексей Михайлович, тебе сколько лет?» — «Двенадцать», — «Нет, тебе вечность...»

* * *

Пройдет время, Михаил Петрович Щетинин войдет во всеобщую историю — в отличие от его гонителей-губителей, которые ничего из себя не представляют, пустое место.

Чего они там добиваются, в подземелье? Усидеть на месте, на которое вскарабкались.

Они живут в безмолвии, темноте и очень боятся света — на свету они скукоживаются, как шагреновая кожа, тают.

Хватит темноты.

(Окончание в следующем номере)